

кого. «Автоматизм» движений у Эдгара Райта связан больше с монтажной работой, чем с персонажем.

Четырехдневная работа конгресса показала значимость проблематики, открыла новые направления исследовательской работы. Участники приняли решение о проведении следующего конгресса 12—15 мая 2021 года, обозначив его тему как «Юмор и смех в глобальном мире».

*Ольга Глухова, Любовь Мячина, Александр
Тихвинский, Сергей Троицкий¹*

Междисциплинарный семинар «Производство аффекта: практики, поэтики, политики и технологии манипуляции»

(Самарский университет, 13—14 декабря 2019 года)

В центре штудий междисциплинарного семинара «Производство аффекта: практики, поэтики, политики, технологии манипуляции», состоявшегося 13—14 декабря 2019 года в Самарском государственном национальном исследовательском университете им. акад. С.П. Королева, оказалась проблематика аффекта и манипуляции эмоциями в различных сферах: литературе, искусстве, праве, в публичных курсах и коммуникативных практиках.

Проблематика семинара апеллировала к относительно новой тематической и методологической тенденции в социальных, гуманитарных науках и философии, возникшей примерно в начале нынешнего века и схватываемой в понятии «аффективного поворота». Принадлежащая контексту так называемой истории эмоций и культурных исследований, сегодня эта тенденция распространяется на широкое предметное поле: от теории медиа до социологии эмоций и концепции «общества переживаний». Представители «аффективного поворота» спорят о природе аффекта, о том, что такое «социальная эмоция».

Работа семинара открылась в Самарском университете 13 декабря. Первая секция докладов носила название «Аффективный мимесис».

Сюжеты первого дня были посвящены проблематизации манипулятивного потенциала в разных сферах деятельности, и не только в художественных языках, в литературе и кино, но и в научном дискурсе. Таким образом, все участники имели возможность рефлексировать над собственными заблуждениями, насколько это возможно, что и показал ход дискуссии.

Пленарное заседание открыл доклад *Николая Рымаря* (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) «Усомниться в собственном существовании». Докладчик отметил, что «критика языка» является одной из важнейших особенностей функционирования искусства XX—XXI веков. Еще Ортега-и-Гассет утверждал, что так называемое высокое искусство не будет доступно большинству именно потому, что

1 Обзор написан при участии Екатерины Арашиной (РГПУ им. А.И. Герцена), Алены Богатковой (СПбГУ), Елизаветы Захарченко (РГПУ им. А.И. Герцена), Антона Натягина (РГПУ им. А.И. Герцена), Елизаветы Павлюченко (РГПУ им. А.И. Герцена), Рады Смирновой (РГПУ им. А.И. Герцена), Елены Шустик (СПбГУ).

оно блокирует аффективное вовлечение, обнажая сам механизм манипуляции. Рымарь также рассмотрел аффект как возможность выхода за пределы существования, экзатическое потрясение, которое помогает сделать некую «остановку» в сознании. В качестве одного из примеров репрезентации «манипулятивных» образов в художественном языке и опыта противостояния этой манипуляции Рымарь привел фрагмент из романа Ф. Кафки «Процесс», где главный герой наблюдает приготовления палачей и внезапно осознает, что он должен схватить и сам вонзить в себя витающий над ним нож. Докладчик обратил внимание на то, что сам процесс подчинения насилию, однако, неизбежно требует и доверия к манипуляции.

Возникновение состояния аффекта в романе Кафки «Процесс» связано с переживанием несоединимости стремлений разума принять мир и себя в нем как его органическую часть с потребностью реализовать свою волю к индивидуации и свободе. Таким образом, эстетический аффект как особое свойство художественного языка раскрывает потрясение сознания, внезапно осознающего сущность своего бытия в неустрашимости и неразрешимости конфликта между бытийными основаниями человека.

Доклад вызвал оживленную полемику. Прозвучали возражения: аффект не может быть безоговорочно отнесен только к «остановкам», которые важны для экзистенциального переживания. Следует говорить о том, что аффекты — и тому масса примеров в истории и XX, и XXI века — демонстрируют как раз обратное действие и скорее служат манипуляции, чем освобождению от нее. Следует различать аффекты коллективные, когда во власти некоего «принуждения к энтузиазму», в пространстве «ликования» тоталитарных систем, рациональность отключается, и аффект как состояние сугубо индивидуальное, которое действительно способно преодолеть манипуляции и страх.

Сергей Зенкин (ИВГИ РГГУ) посвятил свое выступление «*Аффективный мимесис и художественный эффект*» различиям в понимании категории мимесиса. Докладчик подчеркнул, что в XX столетии философия и гуманитарные науки выработали новое определение мимесиса, отличное от многовековой традиции употребления этого понятия, идущего от Античности. Согласно новому определению, мимесис носит не репрезентативный, а коммуникативный характер, что позволяет включить в пределы этой категории аффекты, которые ранее были за пределами эстетики: веселье, скорбь, воодушевление, паника и т. д. Искусство здесь предстает чисто коммуникативной деятельностью, и мимесис в искусстве можно интерпретировать как систему передачи аффектов. Во многом такое представление о роли искусства сформулировано у Льва Толстого, который говорил об идее заражения («Что такое искусство?», 1897—1898 годы). При этом важно отметить, что имитации и подражательной трансляции поддается также и процесс познания, который трудно подвести под категорию аффекта: аффективный характер могут иметь его мотивы — например, любопытство — и некоторые сопровождающие его переживания. Такой процесс составляет, наряду с аффектами, один из предметов миметической коммуникации, однако познание должно пониматься не как передача и получение готовой информации, а как поле коммуникативного напряжения.

После доклада, в порядке полемики, были заданы вопросы: почему в связке с понятием мимесиса не анализируется другое понятие, также пришедшее из древнегреческой эстетики — катарсис, которое, казалось бы, неразрывно связано с понятием аффектации. Не являются ли оба понятия отчасти манипулятивными теоретическими конструктами, которые, в свою очередь, были порождены вполне определенным научным контекстом? Была высказана точка зрения, что мимесис изначально, в античной художественной практике и в трактовке Аристотеля, как раз и предполагал коммуникативную стратегию, некое усилие по узнаванию и по-

ниманию, а вовсе не подражание в том виде, в каком эта категория предстала в вузовских схемах и литературоведческом «бессознательном».

Тему художественных аффектов продолжил доклад *Вадима Михайлина* (Институт филологии и журналистики СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов) «*Образ матери в сталинском военном кино и производство аффекта*». В сообщении были проанализированы технологии обращения к доаналитической и доличностной аффективной памяти. Анализ методологически опирался на блок базовых гипотез, которые разрабатываются Михайлиным в Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии (ЛИСКА): память, по мнению докладчика, репрезентирует когнитивный опыт младенчества и раннего детства, а образы, связанные с семейным уровнем ситуативного кодирования, — наиболее ранний язык кодирования индивидуального опыта. Все эти слои могут служить механизмам манипуляции в различных нарративных и перформативных практиках. В ходе доклада был прокомментирован материал советской визуальной пропаганды 1940-х годов, включая плакатную, живописную и, прежде всего, кинопродукцию. В частности, был представлен анализ манипулятивного потенциала кинематографических образов, в том числе фрагментов, которые программировали вполне определенную реакцию у зрителей (фильм «Она защищала Родину»: ребенка бросают под гусеницы танка на глазах у матери).

В ходе обсуждения было отмечено, что в «мобилизационные» времена произведения искусства не отличаются сложностью. А в тексте по-настоящему сложном механизм манипуляции обязательно соседствует с тактикой сопротивления манипуляции. Поэтому используются такие приемы, как ирония, отстраненное письмо, чужое слово и прочие формы критической дистанции, которые выработали литература и искусство. В сложном произведении есть как эмоциональное воздействие, так и — обязательно — анализ этого воздействия.

Виталий Лехциер (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) выступил с сообщением «*Каминг-аут в обществе ремиссии: рассказ о своей болезни как постколониальная максима “роли больного”*» и рассказал о наблюдениях над «медицинскими» и «пациентскими» нарративами. Был дан срез актуальных дискуссий вокруг автобиографических высказываний о болезни, являющихся важнейшим контентом современной культуры. С одной стороны, это явление рассматривается сквозь призму герменевтики подозрения и вписывается в конкурентную экономику аффектов, виктимизации и популизма. С другой — оно трактуется в контексте этики и политики свидетельства, доверия и нового постколониального опыта болезни как практики заботы и «педагогике страдания». Докладчик использовал понятие свидетельства, разработанное в социологии медицины Артура Франка и современной нарративной медицине в целом. Важным пунктом в докладе было утверждение, что те, кто представляет свои болезни как норму и открыто говорит о них, часто подвергаются в обществе маргинализации и стигматизации. И сегодня эта тенденция имеет печальные юридические последствия. Участники семинара обсудили один из недавних подобных примеров, когда в Саратове региональную общественную организацию больных диабетом признали «иностранным агентом».

В докладе *Сергея Березина* (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) «*Эмоциональная индукция в коллективном хронотопе*» были рассмотрены особенности психологических манипуляций, которые являются сегодня важной частью современной коммуникативной культуры. Были проанализированы условия эмоционального «заражения» и особенности его механизмов. Несколько условное понятие «коллективный хронотоп» помогает раскрыть, по мнению докладчика, закономерную связь групповой динамики и пространственно-временных координат ситуации. В условиях коллективного хронотопа развиваются процессы эмоцио-

нальной индукции, в результате чего члены группы, несмотря на индивидуальные различия, оказываются в общем для них эмоциональном состоянии.

Закономерным, но все же несколько неожиданным эффектом доклада было ощущение, которое возникло у всех слушателей и собеседников: аудитории были показаны такие приемы воздействия, что все почувствовали себя не критическими интеллектуалами, а шестеренками манипулятивной машины. Во многих приемах каждый преподаватель узнал себя, когда он, общаясь со студентами, хочет продемонстрировать свое превосходство в знаниях. Так манипуляция обнаружила еще одну грань — в интеллектуальной работе, в преподавательском высказывании как искушении властью.

Проблемное поле второй секции организаторы обозначили так: «Ситуация аффекта как творческий проект». Эта часть программы семинара была открыта докладом *Александры Володиной* (Институт философии РАН / НИУ ВШЭ) «*Ситуация аффекта: субъективность и солидарность*». В фокусе сообщения были аффективные механизмы, действия которых мы можем проследить в пространстве искусства. По наблюдению Володиной, такие механизмы особым образом влияют не только на само это пространство, но и на формы субъективности, которые попадают в ситуацию аффекта. Докладчица, обратившись, вслед за Б. Массуми, к размышлению об аффективных механизмах повседневного опыта, рассмотрела специфику аффективного производства общности и солидарности, привлекая материал советской неподцензурной поэзии («лианозовской школы»). Одним из стимулов возникновения общности, по мнению докладчицы, является ритм, широко понятый как способ аффективной синхронизации, организующий не только собственно поэтические, но и внепоэтические элементы.

Далее тему манипуляции как механизма языков культуры развила в своем выступлении *Татьяна Казарина* (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара). Тема и материал доклада «*От сверхчеловека к медиатору: авангард в поисках путей противодействия манипулятивным трендам культуры*» содержали обстоятельный анализ основной задачи, которую авангард решал на всех стадиях своего развития, а именно — декларируемой им борьбы с человеческой заурядностью. Источник обезличивания и измельчания авангардисты видели в культуре, понятой как грандиозный механизм манипуляции. Поэтому усилия авангарда всегда сосредоточены на выработке форм защиты и противодействия культурному «насилию». По мнению Казариной, меняя стратегию решения этой проблемы, авангард проделал эволюцию, в ходе которой его первоначальные установки радикально пересматривались и не раз менялись на противоположные. Менялось воздействие художника на аудиторию: шокирующе-провокативные (и в этом смысле безусловно манипулятивные) практики «классического» авангарда сменялись игровыми на другом этапе; приемы, рассчитанные на аффективную реакцию (у первых двух поколений авангарда) в эпоху концептуализма были вытеснены провоцирующими рациональный отклик. Неэффективность и тех, и других решений была признана и отрефлексирована в творчестве Д.А. Пригова, и последующая, лежащая уже за рамками авангарда, литературная работа бывших концептуалистов оказалась направлена на формирование новой — медиативной позиции автора, вырабатывающего особый стиль художественного поведения, примиряющего аффективное и рациональное.

Завершил работу первого дня семинара доклад, который подвел предварительную черту под дискуссией о специфике аффектации в художественном языке, — сообщение *Ирины Саморуковой* (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) и *Константина Позднякова* (СГСПУ, Самара) на тему: «*Гололая жизнь*» как объект манипуляции в романе Ю. Олеши «*Зависть*»».

Константин Поздняков раскрыл значение реминисценций в произведении Юрия Олеши: «Зависть», по мнению докладчика, во многом построена на отсылках к сюжету и мотивам новеллы Томаса Манна «Тристан» (1902). Сходство этих двух текстов, вплоть до парафраз, поражает, что и было продемонстрировано в сопоставлении литературных фрагментов. Помимо сюжетных мотивов наблюдается сходство в построении повествовательной перспективы: это рассказ с позиции непризнанного художника. Можно выстроить последовательность своеобразных палимпсестов: «Тристан» Томаса Манна (1902) — «Зависть» Юрия Олеши (1927) — «Отчаяние» Владимира Набокова (1930). Сюжет Манна о художнике и бюргере трансформируется в направлении маргинализации фигуры модернистского творца.

По мнению Ирины Саморуковой, Олеша использует новеллу Томаса Манна как модель для сборки и структурирования советского материала, которому в 1920-е годы еще не вменяется быть оформленным в соцреализм. Иллюзию поддерживает повествовательная перспектива романа, его изобразительный фокус — точка зрения художника. Этот фокус становится инструментом создания истории, сюжета, рождающегося из манипуляции, техники метафоризации, призванной переключить внимание и инициировать воображение. Такая технология обнаруживает, с точки зрения докладчицы, попытку Юрия Олеши найти со сталинским режимом общий язык и при этом сохранить мастерство. Писатель словно говорил власти: вы будете задавать свою идеологическую проблематику, а я ее красиво преподносить. Олеша, по мнению Саморуковой, полагал, что, опираясь на западные литературные модели, сможет изображать советскую жизнь относительно свободно. Но такая стратегия оказалась несостоятельной, и ее проблематизация представлена у Набокова.

Использование понятия «голая жизнь» Дж. Агамбена позволило Саморуковой интерпретировать персонажа «Зависти» Андрея Бабичева как персонификацию дискурса новой власти, придающую окружающей действительности организационные формы, а главного героя набоковского «Отчаяния» Германа — как воплощение «голой жизни». Были подробно проанализированы стратегии манипуляции, в результате которых художник теряет свой автономный культурный статус во всех трех названных произведениях.

На следующий день, 14 декабря, семинар переместился на недавно открытую в городе площадку — «Горький-центр» (Литературный музей им. М. Горького, Самара). Программа второй части семинара совмещала два формата: выступления докладчиков, посвященные теме «Практики манипуляции и теории сопротивления», и круглый стол «Манипулируя жертвой: производство аффекта в современном медийном пространстве».

В первой части прозвучали три доклада, объединенные попыткой проанализировать манипулятивные стратегии в юридической теории и практике.

Так, Олег Горяинов (Музей Эльдара Рязанова, Самара) представил доклад «Сентиментальность как фашизм: политические следствия аффекта «сострадания» и теоретические основания его критики, или Чему Спиноза может научить нас в мире, где всякий жертва?». В четвертой части «Этики» (теорема 50) Спиноза дисквалифицировал аффект «сострадания» как «дурной» и «бесполезный». Хотя этот сюжет получил плодотворное развитие в критике морали у Ницше и некоторых последователей обоих философов, на рубеже XX—XXI столетий такой тип аффекта не только массово не отвергается, но зачастую предписывается в императивном порядке самыми разными сообществами (в диапазоне от западно-либеральной толерантности до российско-консервативной охранительной позиции в отношении традиционных практик и ценностей). Был предложен анализ политических последствий широкого распространения различных форм аффекта сентиментальности. На основе работ ведущих западных представителей критической теории аффекта (Б. Мас-

суми, К. Малабу и других), черпающих свое вдохновение в трудах Спинозы, автор предложил ряд гипотез, проясняющих хитрость союза и иллюзорность антагонизма либеральных и консервативных тенденций современности, которые успешно укрепляют друг друга и препятствуют любому радикальному преобразованию опыта чувственности современного человека на пути его освобождения от логик вины и долга.

Юрий Пермяков (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) говорил о теме «*Различение юридической практики и политической манипуляции через призму современной философии права*». Докладчик пытался показать, что существует правовое сознание, которое не тождественно правовым нормам. И это правовое сознание не берется из рук господина, оно вырабатывается самим человеком. Какой бы закон ни приняли, он не станет легитимным, если не будет опираться на представления людей о норме и справедливости. Если такой закон все-таки принимается, то он принимается ровно для одной цели — манипулировать. И мы прекрасно знаем примеры, скажем, лингвистической манипуляции в юриспруденции. В этом, возможно, и заключается объяснение такого хорошо известного феномена отечественного правового сознания, которое выражается фразой: «Начальник всегда прав». Поэтому у нас все законы, даже самые демократические, могут быть истолкованы в пользу начальства. Многие современные законы в российской практике решают манипулятивные задачи. В ситуации, когда нужно добиться каких-то узкополитических целей — принимается законодательная норма, даже если она никакому правовому сознанию не соответствует.

Сергей Касаткин (Самарский юридический институт ФСИН) в сообщении «*Манипулятивные практики в философском споре Рональда Дворкина и Герберта Харта*» говорил о границах манипуляции и убеждения. Он привел спор двух ученых-правоведов и предложил аудитории подумать над тем, насколько допустимы манипулятивные техники в научном споре. Внимание докладчика привлекло утверждение, на первый взгляд неоспоримое, но на самом деле весьма проблематичное: «Если речь идет о поиске истины, то манипуляция невозможна». Предложенный слушателям исторический материал — полемика двух крупнейших философов и теоретиков права англоязычного мира и риторические механизмы их высказываний — заставил задуматься о том, что, собственно, можно считать победой в споре.

Круглый стол стал кульминационной точкой и завершением всей работы семинара. Модератор Виталий Лехциер обозначил ключевые вопросы для обсуждения: аффекты и ритуалы сострадания, хайп и новая виктимность, постпамять и культурная травма в Сети, производство аффективных сообществ.

Экспертами-докладчиками круглого стола выступили специалисты Самарской гуманитарной академии — авторский коллектив кафедры философии, давно и успешно разрабатывающий философско-антропологическую проблематику «жертвы», «мест памяти» и их цифровизации. Прозвучавшие доклады плавно перешли в развернутые комментарии и дискуссию.

Андрей Сериков (Самарская гуманитарная академия) обозначил тему выступления следующим образом: «*Эмоциональное сопереживание как условие ритуальной сакрализации потерпевших*». Жертвоприношение, как видится докладчику, является одной из основ социальной солидарности не только в архаическом, но и в современном обществе. А поскольку современная культура табуирует жестокость и убийство, сегодняшние аналоги ритуалов жертвоприношения все чаще используют пострадавших от несчастных случаев, катастроф и преступлений, преобразуя их в священных жертв. При этом сами жертвы нередко подчеркивают свою общность как маргинальную и протестную, переживая аффект, трансформирующий страх, горе и обиду в чувства свободы, солидарности и радости, как это происходило, например, во время несанкционированного митинга жертв Чернобыля в апреле 1989 года в Минске.

Доклад «*Манипулятивный потенциал памяти. Конструирование и подержание травмы при помощи энергии хайпа*», прочитанный Еленой Савенковой (Самарская гуманитарная академия), был посвящен такой щекотливой теме, как визуальные репрезентации в массовом контенте мест «жертвенной памяти». В центре сообщения оказался следующий кейс: в январе 2017 года в Сети появился сайт-проект *uolocaust.de*. Автором этого проекта стал израильский художник-сатирик Шахак Шапира. Поводом для создания проекта стало его глубокое возмущение поведением туристов, посетителей мемориального комплекса памяти жертвам холокоста, расположенного в Берлине, делавших селфи на фоне мемориала. Этот сюжет стал отправной точкой в рассуждениях о том, какова типология музеефикации коллективной исторической травмы сегодня, какие механизмы позволяют включить посетителей таких памятных мест в «музейную машину» по переживанию и преодолению травмы. По мнению Савенковой, наши переживания в этом поле радикально меняются, ибо «пользователь — это продукт цифровой эпохи, его повседневный опыт — это легкость обращения с информацией», «пользователю легко быть пользователем», а значит, меняется сам способ припоминания и репрезентации травматических событий. В этом смысле коллективную память скорее стоило бы рассматривать как динамичный продукт политических решений, культурных сдвигов и меняющихся структур опыта повседневности.

В порядке уточняющих реплик было отмечено, что так называемые места памяти предполагают некое табуирование, но при этом именно они и становятся выразителями манипулятивных стратегий и производства эмоций «комфорта». В ходе дискуссии участники задались вопросом, как быть с такими «местами культурной памяти», которые являются прежде всего свидетелями травмы (например, Волгоград — город, где почти вся экскурсионно-туристическая индустрия строится вокруг образов жертв Сталинградской битвы).

На границе двух исследовательских полей — *memory studies* и *trauma studies* — находилась проблематика и последующих выступлений. Марина Корецкая (Самарская гуманитарная академия) рассуждала на тему «*Жертвы теракта и перекодирование аффекта: от сообществ утраты к коллективному телу народа*». В докладе шла речь о консолидирующем потенциале аффективной волны, возникающей вокруг событий, отмеченных жертвами (терактов, в частности), и о том, как могут переключаться режимы коллективной аффектации, производя переход от локальных аффективных сообществ, которые можно назвать сообществами утраты, к намного более широким и эфемерным общностям, таким как «нация», «народ». Была прокомментирована способность этого перекодирования (при некоторых условиях) производить политические эффекты. Докладчица опиралась на социально-конструктивистские теории эмоций, позволяющие рассматривать скорбь не как естественную и универсальную эмоцию, объективно вызванную событием утраты, а как аффект, индуцируемый ритуалами и зависящий от культурных перформативов. Также в докладе была выявлена специфика траурных практик в современных обществах по сравнению с традиционными и поставлен вопрос об их эмансипаторном и протестном потенциале. Чья именно смерть подлежит публичному оплакиванию, а чья нет — это, безусловно, решение политическое и к тому же имеющее прямое отношение к столь обсуждаемой сегодня тематике «голой жизни», то есть жизни, лишенной политического и правового статуса, выведенной за границы человеческого.

В своих суждениях докладчица опиралась на формулировку Джеффри Александера: культурной травмой следует называть только такое трагическое событие, которое ломает идентичность, в том числе и коллективную.

Елена Иваненко (Самарская гуманитарная академия) продолжила тему втягивания поминальных практик в цифровую среду. Ее доклад «*Анатомия хайпа*:

в поисках точки манипуляции» был посвящен конструированию и поддержанию травмы при помощи энергии хайпа, механизмам хайпа и их отличиям от новостных форматов и мемов. По утверждению автора доклада, феномен хайпа труднообъясним логикой традиционных медиа. По всей видимости, требуется новый концепт — «коллективное тело», понимаемый как устойчивый эффект стохастического беспорядка хайпа. Если попытаться прояснить работу медиалогии в пользовательской среде, то коллективное тело может рассматриваться как некий эффект, возникающий при нелинейном взаимодействии медиа.

В качестве уточняющего был задан вопрос: как быть с избирательностью хайпа и всяческих «акций сострадания» в Сети, которые призваны продемонстрировать некую общность группы в переживании одного аффекта? Например, если трагическая гибель редакции «Charlie Hebdo» вызвала желание у весьма многих пользователей «Фейсбука» окрасить свои аватарки в цвета французского флага, то сходные акции, организованные по модели «Жертва — это я», или попытки обратить внимание на жестокую повседневность терактов в Израиле не имели такой силы и остались на уровне локального, индивидуального усилия. Можно, вероятно, утверждать, что эффект хайпа, предполагающий идентификацию пользователя с жертвой, почти невозможно создать искусственно — «создателям» приходится учитывать слишком много факторов.

Семинар завершился итоговым обсуждением основных концептуальных линий темы. Как отличить «манипуляцию» от других способов управления социальными эмоциями (провокация, шантаж, троллинг)? Всегда ли манипуляция негативна, существуют ли позитивные или нейтральные стратегии манипуляций? Какую роль играет манипуляция в традиционной сфере производства эмоций: в искусстве, в дискурсе права, в практиках массмедиа? Каковы этические границы манипулятивных технологий и возможности игнорирования манипуляций и сопротивления им? Все эти и другие вопросы ждут дальнейшего обсуждения.

Стоит подчеркнуть специфический контекст организации семинара. Формально мероприятие было посвящено 50-летию Самарского государственного университета, юбилею социально-гуманитарного и естественно-научного образования. Однако по духу это торжественное действо было если не протестным, то откровенно фрондерским (спасибо, впрочем, тем административным лицам, которые рискнули поддержать этот жест).

Дело в том, что конференция проходила в Самарском национальном исследовательском университете им. акад. С.П. Королева, который является результатом преобразований, произведенных стараниями прежнего губернатора Николая Меркушкина. Классический университет в Самаре (СамГУ) оказался частью технического вуза — бывшего аэрокосмического университета и, по сути, был уничтожен. Отголоски борьбы с реорганизацией так или иначе сопровождают все инициативы гуманитарных кафедр, которые теперь тонут в общем информационном потоке громких отчетов о научно-технических достижениях. Рассуждать о манипулятивности в условиях, когда трудно противостоять бюрократическому насилию над наукой, — такому действию исследователи приписывали некий оттенок сопротивления. Не будет большим преувеличением сказать, что за все время, прошедшее с момента слияния вузов, этот семинар стал едва ли не единственным ярким событием в академической жизни города, а участники почувствовали себя в весьма референтной среде.

И на обложке семинарской программы организаторы поставили логотип прежнего, классического Самарского университета.

Анна Синицкая